

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 19.02.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

Амага Сергеевна ЗАСЕЕВА

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

am.s.zasseeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-0014-1643

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

ВВЕДЕНИЕ. Современная система международных отношений характеризуется наличием непризнанных государств – политико-территориальных образований, которые обладают признаками государственности, но не получили официального признания от международного сообщества. Существование и функционирование подобных политико-территориальных образований в официальных границах суверенных государств влечет за собой возникновение конфликта между принципом территориальной целостности и правом народов на самоопределение. Разрешение этого противоречия во многом восходит к двум противоположным теоретическим подходам к признанию государств: декларативному и конститутивному, – что не позволяет найти универсального решения проблемы международно-правового статуса непризнанных государств. В условиях подобной правовой неопределенности непризнанные государства вынуждены функционировать в рамках дуалистического международно-правового статуса, характеризующегося расхождением между формальными и фактическими возможностями. Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей международно-правового статуса непризнанных государств и определении характера ограничений их правосубъектности в современной системе международных отношений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При проведении исследования был использован широкий круг международно-правовых актов, включая Устав

ООН и Конвенцию Монтевидео о правах и обязанностях государств. Также привлекались материалы судебной практики национальных судов и международных арбитражей по вопросам применения права непризнанных государств. Дополнительно анализировались официальные документы и соглашения, регламентирующие фактическое взаимодействие непризнанных государств с суверенными государствами. Были использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод) и специальные научные методы, включающие сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод анализа правоприменительной практики и структурно-функциональный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье осуществлено разграничение непризнанных государств от смежных категорий, включая частично признанные государства и государства, не признанные отдельными государствами. Проведен анализ формального и содержательного подходов к определению непризнанных государств, а также интегративных концепций, разработанных в современной доктрине международного права. Исследованы ключевые ограничения международно-правового статуса непризнанных государств, и выявлены механизмы их фактического участия в международных отношениях.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. На основе проведенного анализа сформулирован вывод

о дуалистическом характере международно-правового статуса непризнанных государств, который проявляется в разделении на формально-юридический и фактический компоненты. Обосновано, что формально-юридически непризнанные государства соответствуют трем из четырех признаков государственности по Конвенции Монтевидео, однако лишены способности к официальному установлению отношений с суверенными государствами (четвертый признак). Установлено, что фактический международно-правовой статус непризнанных государств формируется вследствие реализации собственного суверенитета государствами как участниками международных межгосударственных отношений, которые вступают в неофициальные политические и экономические взаимодействия с непризнанными государствами. Аналогичным образом в фактические взаимодействия с непризнанными государствами могут вступать и международные межправительственные организации, и интеграционные объединения, которые не являются суверенными образованиями.

Сделан вывод о том, что международно-правовой статус непризнанных государств не носит универсального характера и формируется индивидуально в зависимости от позиций отдельных субъектов международных межгосударственных отношений, вступающих во взаимодействие с такими государствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: декларативный подход, конститутивный подход, непризнанные государства, частично признанные государства, Конвенция Монтевидео, интегративный подход, государства – члены ООН, формальный статус, фактический статус

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Засеева А.С. 2025. Особенности международно-правового статуса непризнанных государств. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

Research article

UDC: 341

Received 19 February 2025

Approved 20 October 2025

Amaga S. ZASSEEEVA

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
am.s.zasseeva@my.mgimo.ru
ORCID: 0009-0008-0014-1643

FEATURES OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF UNRECOGNIZED STATES

INTRODUCTION. *The modern system of international relations is characterized by the presence of unrecognized states – political-territorial entities that possess features of statehood but have not received official recognition from the international community. The existence and functioning of such political-territorial entities within the official borders of sovereign states entails the emergence of a conflict between the principle of territorial integrity and the right of peoples to self-determination. The resolution of this contradiction largely stems from two opposing theoretical approaches to state*

recognition: declarative and constitutive – which does not allow for finding a universal solution to the problem of the international legal status of unrecognized states. Under conditions of such legal uncertainty, unrecognized states are forced to function within a dualistic international legal status, characterized by a divergence between formal and actual capabilities. The purpose of this article is to identify the features of the international legal status of unrecognized states and to determine the nature of limitations on their legal personality in the modern system of international relations.

MATERIALS AND METHODS. *The study utilized a wide range of international legal instruments, including the UN Charter and the Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. Materials from judicial practice of national courts and international arbitrations on the application of law of unrecognized states were also examined. Additionally, official documents and agreements regulating actual interaction between unrecognized states and sovereign states were analyzed. General scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, systemic method) and special scientific methods were employed, including comparative legal method, formal legal method, method of legal practice analysis, and structural-functional analysis.*

RESEARCH RESULTS. *The article establishes distinctions between unrecognized states and related categories, including partially recognized states and states not recognized by individual states. Analysis of formal and substantive approaches to defining unrecognized states, as well as integrative concepts developed in contemporary international law doctrine, was conducted. Key limitations of the international legal status of unrecognized states were examined and mechanisms of their actual participation in international relations were identified.*

DISCUSSIONS AND CONCLUSIONS. *Based on the conducted analysis, a conclusion has been formulated about the dualistic nature of the international legal status of unrecognized states, which manifests itself in the division into formal-legal and factual components. It has been substantiated that formally and*

legally, unrecognized states correspond to three of the four criteria of statehood according to the Montevideo Convention, but lack the capacity for official establishment of relations with sovereign states (the fourth criterion). It has been established that the factual international legal status of unrecognized states is formed as a result of the implementation of sovereignty by other states as participants in international interstate relations, which enter into unofficial political and economic interactions with unrecognized states. Similarly, international intergovernmental organizations and integration associations, which are not sovereign entities, can also enter into actual interactions with unrecognized states. A conclusion has been drawn that the international legal status of unrecognized states is not universal in nature and is formed individually depending on the positions of individual subjects of international interstate relations that enter into interaction with such states.

KEYWORDS: *declarative approach, constitutive approach, unrecognized states, partially recognized states, Montevideo Convention, integrative approach, UN member states, formal status, de facto status*

FOR CITATION: Zasseva A.S. Features of the International Legal Status of Unrecognized States. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Феномен непризнанных государств является одной из нерешенных проблем системы международных отношений, сложившейся после окончания Второй мировой войны и основанной на деятельности и Уставе Организации Объединенных Наций (ООН)¹. Отсутствие международных императивных норм, последовательно и полно описывающих процедуры признания государств [Grzybowski 2017:409], привело к тому, что такое признание стало осуществляться на основе двух конфликтующих (в этом случае)

принципов международного права: принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение [Гончарова 2020:5-12; Riegl 2017].

Использование того или иного принципа в рамках института признания государств восходит к двум противоположным подходам, сложившимся задолго до формализации принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение: декларативному подходу и конститутивному подходу [Барышев 2023:18; Worster 2009:115; Visoka 2019]. В соответствии с декларативным подходом, опирающимся на право народов на самоопределение, сам факт

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). – *Действующее международное право*. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права. 1996. С. 7-33.

провозглашения создания государства (декларирования формирования государства) является достаточным основанием для его государственности [Buzard, Graham, Horne 2017: 578]. В свою очередь, конститутивный подход с основой в виде принципа территориальной целостности предполагает, что для получения статуса полноправного субъекта международного права государства должны быть признаны со стороны существующих субъектов международного права (прежде всего, государств).

Однако, даже если придерживаться конститутивного подхода, непризнанные государства все равно фактически будут вступать во внешнеполитические и внешнеэкономические отношения (с другими непризнанными или частично признанными государствами, или даже в фактические отношения с суверенными государствами). Иными словами, они в любом случае будут осуществлять то или иное взаимодействие на международной арене, что свидетельствует о наличии у них определенного международно-правового статуса.

2. Отграничение непризнанных государств от смежных категорий

В современной отечественной литературе [Ибрагимов 2022:252; Ефимова, Смирнов, Кончаковская 2021:572; Терещенко 2019:172] отсутствует сформировавшийся единообразный подход к пониманию непризнанных государств.

Не сложилось даже терминологического консенсуса. Так, сходные правовые явления могут обозначаться как «непризнанные государства», так и в качестве «самопровозглашенных государств», «виртуальных государств», «квазигосударств», «фактических государств» и др. [Лайтман 2022:386].

В подобном контексте корректным видится подход, предложенный О.Н. Теленко, по мнению которого в основе всех отмеченных выше категорий лежит феномен отсутствия международного признания у определенного политико-территориального образования. Именно отсутствие признания со стороны других субъектов международного права является здесь ключевой характеристикой [Теленко 2016:314]. Как следствие, в качестве общего термина более последовательным будет использование именно

категории «непризнанные государства», которая в зависимости от дополнительных или конкретизирующих (специальных) характеристик может принимать форму «самопровозглашенных государств», «фактических государств», «виртуальных государств» и т.п.

Отдельно можно отметить использование термина «непризнанные государства» либо в качестве зонтичной категории, охватывающей собой и «частично признанные государства», либо в качестве самостоятельной категории, противопоставленной «частично признанным государствам».

Причины подобной неопределенности кроются в самостоятельности субъектов международного права (в частности, в суверенитете государств): одно и то же политико-территориальное образование может одними субъектами восприниматься как непризнанное государство, а другими – может официально признаваться.

Представляется, что необходимо различать непризнанные, частично признанные государства и государства, не признанные отдельными суверенными государствами.

Ситуации, когда определенные государства не признаются отдельными суверенными государствами, как правило, возникают вследствие конфликтных (или даже враждебных отношений) между отдельными субъектами международного права. Непризнание со стороны отдельного государства не влечет за собой квалификацию другого государства в качестве непризнанного или частично-признанного [Рухтина, Панькин 2022:495].

Такие государства признаются международным сообществом, являются членами ООН, однако в силу исторических, политических или иных обстоятельств не признаются в качестве суверенных государств отдельными государствами – членами ООН. Так, Республика Корея и КНДР взаимно не признали друг друга, хотя были приняты в члены ООН в 1991 г. Также можно отметить, что долгое время Республика Армения, будучи членом ООН, тем не менее не признавалась в качестве государства со стороны Исламской Республики Пакистан (в связи с позицией Пакистана по вопросу Нагорного Карабаха [Михель, Фахим 2021:33]). Только 31 августа 2025 г. на Саммите ШОС в Китае Армения и Пакистан заявили об установлении дипломатических отношений².

² Армения и Пакистан установили дипломатические отношения. – *Интерфакс*. 31 августа 2025 г. URL: <https://www.interfax.ru/world/1045020> (дата обращения: 07.09.2025).

Что касается частично признанных государств, то они характеризуются отсутствием членства в ООН и признания со стороны большинства государств международного сообщества, однако получают официальное признание от отдельных государств – членов ООН, которые рассматривают их в качестве субъектов международного права при осуществлении двухсторонних политических и экономических взаимодействий [Гончарова 2020:5]. Так, Республика Абхазия³ и Республика Южная Осетия⁴ официально признаны Российской Федерацией и рассматриваются в качестве внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров.

В свою очередь, непризнанные государства (в узком понимании) представляют собой политико-территориальные образования, не получившие признания в качестве государств ни от одного из государств – членов ООН.

К таким непризнанным государствам в настоящее время можно отнести только два политико-территориальных образования: Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР) и Республику Сомалиленд.

Приднестровская Молдавская Республика не признана ни одним членом ООН. Все страны – члены ООН рассматривают Приднестровье как часть Республики Молдова. Единственное признание Приднестровье получило только от Абхазии и Южной Осетии. При этом ПМР обладает такими признаками государства, как: постоянное правительство, постоянная территория и население.

В свою очередь, Сомалиленд объявил независимость от Сомали в 1991 г., но до сих пор не получил признания ни от одного члена ООН. Несмотря на наличие постоянного демократически избираемого правительства, постоянной территории, населения, а также относительной стабильности, Республика Сомалиленд остается непризнанной в узком смысле этого термина. Ключевую роль здесь играет позиция Африканского союза, который придерживается нерушимости колониальных границ.

Формально-юридически указанные государства на международной арене имеют возможность осуществлять политические и экономические взаимодействия (иными словами, реализовывать собственную международную

правосубъектность) исключительно с иными непризнанными или частично признанными государствами (при условии наличия признания с их стороны) [Квачева, Петрова 2017:56].

Здесь возникает некоторая неопределенность: если непризнанное государство взаимодействует с частично признанным государством, то для суверенного государства – члена ООН, предоставившего такое частичное признание, непризнанное государство будет являться частично признанным.

Разрешение описанной проблемы осуществляется за счет установления границ признания. Ключевое требование состоит в том, что субъектом, предоставляющим признание, может выступать исключительно государство – член ООН. Если источником признания является государство, не входящее в состав ООН (это касается и частично признанных государств), то подобная ситуация не создает правовых оснований для отнесения соответствующего политико-территориального образования к категории частично признанных государств. В этой ситуации доминирующим является именно формальный подход, который противопоставляется содержательному.

В подобном контексте необходимо отметить, что выбор между формальным и содержательным подходами определяет характер понимания непризнанных государств: они могут рассматриваться либо как отдельная категория, либо как широкое понятие, включающее различные подвиды.

При использовании формального подхода ключевым условием выступает получение признания именно со стороны государств – членов ООН. Это обстоятельство создает возможности для проведения четких разграничительных линий: с одной стороны, непризнанные государства (отсутствие признания от всех государств – членов ООН), с другой – частично признанные государства (наличие признания от некоторых государств – членов ООН).

При применении содержательного подхода акцент смещается на анализ фактических признаков государственности и реальной практики международных взаимодействий политико-территориальных образований. Подобные характеристики у непризнанных и частично признанных

³ Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1260 «О признании Республики Абхазия». – СЗ РФ. 2008. № 35. Ст. 4011.

⁴ Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия». – СЗ РФ. 2008. № 35. Ст. 4012.

государств могут демонстрировать значительное сходство, что открывает возможности для использования содержательного подхода для отнесения частично признанных государств к более широкой категории непризнанных.

Впрочем, здесь необходимо обратиться к более подробному анализу содержательных и интегративных подходов к пониманию непризнанных государств.

3. Понятие непризнанных государств

Содержательный подход к пониманию непризнанных государств прежде всего опирается на общие подходы к пониманию государств (в том числе по смыслу ст. 4 Устава ООН), а также на признаки государственности. Соответствующие признаки в настоящее время не находят своего закрепления на уровне императивных международных актов, в связи с чем исследователями [Гассиев 2014:93; Филин 2023:41; Митин 2023:28] преимущественно используются положения ст. 1 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств⁵.

В соответствии с положениями указанной конвенции выделяются четыре основных критерия государственности: территория, постоянное правительство, постоянное население, а также способность к установлению отношений с иными государствами. У непризнанных государств можно выявить наличие первых трех критериев (территории, правительства и населения), вместе с тем они лишены возможности свободного и полноправного установления отношений с суверенными государствами в силу отсутствия соответствующего признания со стороны последних [Bachmann, Prazauskas 2019:393].

Таким образом, даже анализ содержательных критериев непризнанных государств, зафиксированных в Конвенции Монтевидео, демонстрирует ключевую роль формального критерия – признания либо его отсутствия со стороны суверенных государств [Rossi 2020:24]. Именно этот критерий определяет наличие или отсутствие у государств формальных возможностей по взаимодействию с другими субъектами международного права.

Попытки исключить формальный критерий при определении непризнанных государств известны отечественной доктрине. Подобный

подход находит отражение, например, в работах З.В. Силаевой, которая полагает, что ключевыми для непризнанных государств являются именно содержательные характеристики. По ее мнению, наличие всех атрибутов государственности – в первую очередь, осуществление легитимного контроля над территорией и населением – сохраняет свое значение вне зависимости от международного признания. При этом она подчеркивает, что именно отсутствие такого признания создает формальные препятствия для осуществления полноценных отношений с суверенными государствами (а не наоборот) [Силаева 2011:134].

Впрочем, представляется, что сама проблема непризнанных государств лежит в формально-юридической сфере и связана с правовой неопределенностью института признания в целом. Как следствие, «чистые» содержательные подходы к пониманию непризнанных государств утрачивают свою актуальность. Даже в рамках приведенной выше позиции З.В. Силаева подчеркивает, что одной из основных целей политико-территориальных образований, обладающих признаками государственности, выступает обеспечение признания государственного статуса со стороны субъектов международного права [Силаева 2011:135].

В целом, именно интегративный подход к пониманию непризнанных государств является доминирующим в отечественной и зарубежной литературе.

Однако стоит отметить, что анализ интегративных концепций, разработанных в современной доктрине, демонстрирует различные подходы к балансировке формальных и содержательных аспектов.

Одна группа исследователей тяготеет к сбалансированному синтезу обеих характеристик. Так, Н. Касперсен акцентирует внимание на дуалистической природе непризнанных государств: с одной стороны, они лишены международного признания, с другой – демонстрируют специфические черты, позволяющие отграничивать их от иных признанных государств и территорий [Caspersen, Stansfield 2011: 135]. Сходную логику развивает А.Г. Большаков, который подчеркивает парадоксальность ситуации: отсутствие правосубъектности сочетается с реальным наличием отличительных государственных признаков [Большаков 2007:83].

⁵ Convention on rights and duties of states (signed at Montevideo December 26, 1933). URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (дата обращения: 24.02.2025).

Альтернативную точку зрения предлагает Т.Д. Матвеева, смещающая акцент в сторону мотивационных факторов. В ее интерпретации ключевым становится не эволюционный характер государствообразования, а целенаправленная ориентация на получение признания от международного сообщества [Матвеева 2015:91] (т.е. приоритет отдается формальным аспектам, но их достижение связывается с реализацией фактических аспектов).

Комплексный анализ представлен в концепции Л.В. Бударagiной, которая предлагает детализированный перечень атрибутов: от формальных элементов (наименование, символика) до институциональных (управленческие и правовые системы). Важным элементом ее подхода является восприятие таких территорий государствами – членами ООН как находящихся под чужим суверенитетом [Бударагина 2016:44].

В целом, анализ интегративных концепций выявляет сохраняющуюся линию разграничения между непризнанными и частично признанными государствами. Частично признанные государства должны определяться через наличие признания со стороны хотя бы одного члена ООН, что открывает возможности для международного взаимодействия с признающими государствами. Для непризнанных государств характерно полное отсутствие подобного признания, что ограничивает их международные связи кругом аналогичных (квазигосударственных) образований.

В то же время подобный подход носит формально-юридический характер и не всегда в полной мере описывает объем и реальное содержание международно-правового статуса непризнанных государств.

4. Ограничения международно-правового статуса непризнанных государств

Ключевое ограничение международно-правового статуса непризнанных государств вытекает из интегративного подхода к их пониманию: они не могут вступать в полноправные политические и экономические отношения с государствами – членами ООН, ввиду отсутствия официального признания со стороны таких суверенных государств.

Единственный формат взаимодействия, официально доступный непризнанным государствам на международной арене – это получение гуманитарной помощи [Дробышева 2019:154; Voller 2013:610]. В этом случае взаимодействие основывается не на факте признания государств, а на праве прав человека и/или на гуманитарном праве [Грешнова, Панков 2023:49]. Аналогичным образом могут охраняться объекты культурного наследия на территории непризнанных государств [Кочиева 2022:50] или права лиц, domiciliрованных на территории таких государств в целом [Ставиного 2022:61; Гаглов 2022:39].

Однако на практике непризнанные государства все же могут вступать в фактические внешнеполитические и внешнеэкономические отношения с суверенными государствами (даже в отсутствие официального признания со стороны последних).

В качестве примера здесь можно привести Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), которая в настоящее время не признана ни одним государством – членом ООН (включая Россию) [Marandici 2025:578]. Тем не менее ПМР обладает всеми содержательными признаками государственности, включая: постоянную территорию, постоянное население, правительство и судебную систему (включая конституционное производство [Ляпин 2022:74]). При этом фактически ПМР осуществляет внешнеэкономическое взаимодействие не только (и не столько) с Россией, но и с Европейским союзом (в частности, с Польшей и Румынией)⁶. Более того, с 2015 г. реализуется Дорожная карта ПМР-ЕС⁷, предусматривающая поэтапное введение режима свободной торговли, что уже может быть прямо квалифицировано как внешнеполитическое взаимодействие (несмотря на содержание и условия этого соглашения и ограничения для экспортеров из ПМР).

Аналогичным примером служит Республика Сомалиленд, которая также не признана ни одним государством – членом ООН, несмотря на более чем тридцатилетнее существование. Как и ПМР, Сомалиленд соответствует трем критериям Монтевидео: контролирует определенную территорию (176 тыс. км²), имеет постоянное население около 6 млн человек, а также постоянно функционирующее правительство.

⁶ Шедько Ф. Экономическая зависимость Приднестровья. – РСМД. 7 июня 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiaamp/ekonomicheskaya-zavisimost-pridnestrovyu/> (дата обращения: 24.02.2025).

⁷ Там же.

При этом Сомалиленд активно осуществляет фактическое политическое и экономическое взаимодействие с ОАЭ (в том числе в военной сфере)⁸. Также Сомалиленд осуществляет торговое взаимодействие с Бразилией, Индией, Йеменом, Кенией, Китаем, Малайзией, ОАЭ, Пакистаном, Саудовской Аравией, Таиландом, Турцией и Японией⁹. В январе 2024 г. Республика Сомалиленд подписала меморандум о взаимопонимании с Эфиопией, по которому предполагалось предоставление Эфиопии в аренду на 50 лет участка береговой линии Сомалиленда для строительства военно-морского порта в обмен на официальное признание Республики Сомалиленд со стороны Эфиопии¹⁰. Впрочем, подобные действия Эфиопии вызвали возмущение со стороны руководства Федеративной Республики Сомали, которое расценило их как посягательство на территориальную целостность. Как следствие, Сомалиленд так и не была признана Эфиопией, а заключение договора аренды участка береговой линии оказалось под вопросом¹¹.

Таким образом, на практике, несмотря на отсутствие официального признания и, соответственно, официального статуса субъекта международного права, непризнанные государства все же могут вступать в политические и экономические взаимодействия не только с другими непризнанными и частично признанными государствами, но и с суверенными государствами.

Косвенно об этом свидетельствует и тот факт, что судебная практика отдельных государственных судов, а также правоприменительная практика международных арбитражей допускают возможность применения права непризнанных государств при заключении и исполнении трансграничных коммерческих договоров [Абирбек 2021а:88]. Более того, при рассмотрении и разрешении частноправовых споров национальные суды суверенных государств вправе самостоятельно определять наличие или отсутствие у непризнанных государств юрисдикции по регулированию гражданско-правовых отношений.

Аналогичным образом национальные суды могут по собственному усмотрению признавать и приводить в исполнение судебные решения, вынесенные в непризнанных государствах [Абирбек 2021b:266; Basedow 2025:95-107].

Иными словами, на уровне судебной власти при разрешении конкретных частноправовых споров непризнанные государства могут квалифицироваться как иностранные юрисдикции наравне с признанными государствами и вступать с их судебными органами в процессуальные отношения.

Все это позволяет сделать вывод о том, что даже в отсутствие официального международного признания со стороны государств – членов ООН непризнанные государства могут соответствовать последнему признаку государственности – способности вступать во внешнеполитические и внешнеэкономические отношения.

Однако подобный международный статус в международном праве будет носить фактический характер (что не препятствует применению права непризнанных государств в международном частном праве). При этом такой фактический международно-правовой статус непризнанных государств будет отличаться повышенной неопределенностью. В условиях отсутствия официального признания объем и реальное содержание правового статуса непризнанных государств будут поставлены в зависимость от фактических направлений, форм и форматов взаимодействия с суверенными государствами [Kyris 2021]. Причина и следствие здесь инвертируются: не международно-правовой статус определяет возможные способы международного взаимодействия, а сами форматы и конкретные практики международного взаимодействия определяют международно-правовой статус.

При этом положения международного права не препятствуют такому подходу к взаимодействию с непризнанными государствами. Как отмечает И. Марусин, одним из ключевых принципов международного права является принцип суверенного равенства государств при

⁸ UAE expands military ties with Somaliland as Somalia looks on. URL: https://www.hiiraan.com/news4/2025/Feb/200338/uae_expands_military_ties_with_somaliland_as_somalia_looks_on.aspx (дата обращения: 07.09.2025).

⁹ Trade & Economy. – *Government of Somaliland*. URL: <https://moiid.govsomaliland.org/article/trade-economy> (дата обращения: 07.09.2025).

¹⁰ The Ethiopia–Somaliland deal. – *IJSS*. March 2024. URL: <https://www.ijss.org/publications/strategic-comments/2024/03/the-ethiopia-somaliland-deal/> (дата обращения: 07.09.2025).

¹¹ Ethiopia and Somalia agree to end bitter Somaliland port feud. – *BBC*. 12 December 2024. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cvgr7v1evvgo> (дата обращения: 07.09.2025).

принятии решений в сфере международных взаимодействий [Марусин 2001:218-229]. Суверенные государства свободны во взаимодействии с непризнанными государствами, в том числе в отсутствие официального признания таких государств (что, впрочем, не исключает возможное противодействие со стороны «родительского» государства). Как следствие, при решении соответствующего вопроса современные государства руководствуются не официальными международно-правовыми критериями, а собственными внешнеполитическими и внешнеэкономическими интересами.

5. Заключение

В настоящее время ключевой особенностью международно-правового статуса непризнанных государств становится его дробление на формально-юридический и фактический.

1. Формально-юридически непризнанные государства соответствуют трем из четырех признаков государственности, закрепленных в Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств: наличие определенной территории, правительства, постоянного населения. С формальной юридической точки зрения, непризнанные государства не соответствуют только одному признаку государственности: способности к вступлению в отношения с другими государствами.

Отсутствие именно этого признака налагает ключевые ограничения на международно-правовой статус непризнанных государств: они не могут выступать в качестве субъектов

международных межгосударственных отношений в рамках внешнеполитических и внешнеэкономических взаимодействий с суверенными государствами. Формально юридически непризнанные государства (а, точнее, население территорий таких государств) могут быть только объектом гуманитарной помощи.

2. Фактический международно-правовой статус непризнанных государств формируется *ad hoc* и различается в зависимости от позиций отдельных суверенных государств, а также иных субъектов международных межгосударственных отношений, вступающих во взаимодействие с такими государствами.

Здесь речь идет о *de facto* признании. Реализуя собственный суверенитет, отдельные государства вступают во внешнеполитические (реже) и внешнеэкономические (чаще) взаимодействия с непризнанными государствами в отсутствие официального признания. Сходным образом взаимодействие с непризнанными государствами может осуществляться и со стороны межправительственных организаций или интеграционных объединений.

В рамках фактического взаимодействия непризнанных государств с полноправными участниками международных межгосударственных отношений, а также непризнанными или частично признанными государствами формируется реальный (фактический) объем их международно-правового статуса, определяются основные направления и формы международного межгосударственного взаимодействия, в также *de facto* признаются конкретные права и обязанности непризнанных государств.

Список литературы

1. Абирбек С.Т. 2021а. Вопросы применения права непризнанных государств в международном частном праве. – *Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая*. Т. 100. № 4. С. 88-96.
2. Абирбек С.Т. 2021b. Право непризнанных государств в международном праве. – *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. № 1 (64). С. 266-276.
3. Барышев В.А. 2023. Ограниченно признанные и непризнанные государства как актуальная проблема современного международного права. – *Право. Экономика. Психология*. № 1(29). С. 18-23.
4. Большаков А.Г. 2007. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья. – *Международные процессы*. Т. 5. № 3(15). С. 83-88.
5. Бударagina Л.В. 2016. Статус непризнанных государств. – *Право и современные государства*. № 3. С. 44-49.
6. Гаглов О.Ф. 2022. Двойное гражданство в непризнанных и частично признанных государствах. – *Евразийский юридический журнал*. № 12(175). С. 39-42.
7. Гассиев М.В. 2014. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве. – *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. № 3. С. 93-96.
8. Гончарова О.А. 2020. Некоторые вопросы участия частично признанных государств в международных отношениях. – *Вестник российской юстиции*. № 13. С. 5-12.
9. Грешнова Н.А., Панков Н.С. 2023. Защита личных интересов граждан непризнанных государств. – *Юридический мир*. № 12. С. 49-51.
10. Дробышева Т.В. 2019. Особенности правового положения непризнанных государств (на примере непризнанных государств постсоветского пространства). – *Международные отношения*. № 2. С. 154-160.
11. Ефимова Н.А., Смирнов Р.В., Кончаковская Е.С. 2021. Проблема определения правового статуса

- непризнанных и частично признанных государств в международно-правовой практике. – *Инновации. Наука. Образование*. № 2. С. 572-577.
12. Ибрагимов А.М. 2022. К вопросу о правовом статусе непризнанных государств в международном праве. – *Закон и право*. № 5. С. 252-254.
 13. Квачева П.И., Петрова С.В. 2017. Политико-правовой статус непризнанного государства в современном мире: историко-правовой аспект (на примере Республики Абхазия). – *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. № 1(35). С. 56-65.
 14. Кочиева А.А. 2022. Деятельность ЮНЕСКО по охране культурного наследия на территории частично признанных и непризнанных государств. – *Концепт: философия, религия, культура*. Т. 6. № 3(23). С. 50-67.
 15. Лайтман В.И. 2022. Статус непризнанных государств в международном публичном праве. – *Вопросы российского и международного права*. Том 12. № 5А. С. 386-394.
 16. Ляпин И.Ф. 2022. Конституционное судопроизводство в условиях непризнанного государства: опыт Приднестровья. – *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 2. С. 74-79.
 17. Марусин И. 2001. О некоторых правовых аспектах взаимоотношений с непризнанными государствами. – *Российский ежегодник международного права*. СПб. С. 218-229.
 18. Матвеева Т.Д. 2015. Статус «непризнанных государств» в контексте доктрины международной правосубъектности. – *Advances in Law Studies*. Том 3. Вып. 3(15). С. 91-99.
 19. Митин Г.Н. 2023. Конституционно-правовые основания образования трансгосударств и их сущность. – *Конституционное и муниципальное право*. № 2. С. 28-30.
 20. Михель И.В., Фахим М. 2021. Вопрос о признании Армении: позиции Пакистана и Индии. – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. № 3. С. 33-37.
 21. Рухтина В.С., Панькин С.И. 2022. Частично признанные и непризнанные государства: понятие и их статус в международных отношениях. – *Вопросы российской юстиции*. № 18. С. 495-502.
 22. Силаева З.В. 2011. Признание независимости спорных государств в современной мировой политике. – *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 7(13). С. 134-138.
 23. Ставиного В. 2022. Обеспечение защиты прав лиц, домицилированных в непризнанных государствах. – *Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер»*. № 2. С. 61-66.
 24. Теленко О.Н. 2016. Непризнанные государства современного мира: сущность понятия и проблема признания. – *Гилея: Научный вестник*. № 105. С. 314-317.
 25. Терещенко М.В. 2019. Понятие и признаки непризнанных государств. – *Colloquium-journal*. № 13-13. С. 172-175.
 26. Филин А.Ю. 2023. Проблема государственного суверенитета в контексте мир-системного анализа. – *Актуальные проблемы российского права*. № 12. С. 41-51.
 27. Bachmann S.D., Prazauskas M. 2019. The status of unrecognized quasi-states and their responsibilities under the Montevideo convention. – *The International Lawyer*. Vol. 52. № 3. P. 393-438.
 28. Basedow J. 2025. Non-recognized States in Private International Law. – Trunk A., Rogozina A., Trunk-Fedorova M. *Non-Recognized States in the Post-Soviet Region under International Trade Law, Private International Law and International Civil Procedure*. Cham: Springer. P. 95-107.
 29. Buzard K., Graham B. A. T., Horne B. 2017. Unrecognized States: A Theory of Self-Determination and Foreign Influence. – *The Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 33. № 3. P. 578-611.
 30. Caspersen N., Stansfield G. 2011. *Unrecognized States in the International System*. London: Routledge. 272 p.
 31. Grzybowski J. 2017. To Be or Not to Be: The Ontological Predicament of State Creation in International Law. – *European Journal of International Law*. Vol. 28. № 2. P. 409-432.
 32. Kyris G., Luciano B. 2021. Collective recognition and regional parliaments: navigating statehood conflict. – *Global Studies Quarterly*. Vol. 1. № 3. Art. № ksab011.
 33. Marandici I. 2025. Great Power Competition, Clientelism, and De Facto States: Transnistria and Taiwan Compared. – *Nationalities Papers*. Vol. 53. № 3. P. 578-599.
 34. Riegl M. 2017. *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. London: Springer. 235 p.
 35. Rossi M. 2020. The Durability of Parastates: Declarative Statehood in the Absence of Constitutive Sovereignty. – *Nationalities Papers*. Vol. 48. № 1. P. 24-41.
 36. Visoka G., Doyle J., Newman E. 2019. *Routledge Handbook of State Recognition*. 1st ed. London: Routledge. 520 p.
 37. Voller Y. 2013. Contested sovereignty as an opportunity: understanding democratic transitions in unrecognized states. – *Democratization*. Vol. 22. № 4. P. 610-630.
 38. Worster W.T. 2009. Law, politics, and the conception of the state in state recognition theory. – *BU International Law Journal*. Vol. 27. P. 115-171.

References

1. Abirbek S.T. Voprosy primeneniya prava nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom chastnom prave [Issues of application of the law of unrecognized states in private international law]. – *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya yuridicheskaya [Bulletin of Kazakh National University. Legal series]*. 2021a. Vol. 100. № 4. P. 88-96. (In Russ.)
2. Abirbek S.T. Pravo nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom prave [Law of unrecognized states in international law]. – *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informatsii Respubliki Kazakhstan [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan]*. 2021b. № 1 (64). P. 266-276. (In Russ.)
3. Bachmann S.D., Prazauskas M. The status of unrecognized quasi-states and their responsibilities under the Montevideo convention. – *The International Lawyer*. 2019. Vol. 52. № 3. P. 393-438.
4. Baryshev V.A. Ogranichenno priznannye i nepriznannye gosudarstva kak aktual'naya problema sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Limited recognized and unrecognized states as an actual problem of contemporary international law]. – *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya [Law. Economics. Psychology]*. 2023. № 1(29). P. 18-23. (In Russ.)
5. Basedow J. Non-recognized States in Private International Law. / in: Trunk A., Rogozina A., Trunk-Fedorova M. *Non-Recognized States in the Post-Soviet Region under International Trade Law, Private International Law and International Civil Procedure*. Cham: Springer. 2025. P. 95-107.

6. Bol'shakov A.G. Nepriznannye gosudarstva evropejskoj periferii i pogranich'ya [Unrecognized states of European periphery and borderlands]. – *Mezhdunarodnye protsessy [International processes]*. 2007. Vol. 5. № 3 (15). P. 83-88. (In Russ.)
7. Budaragina L.V. Status nepriznannykh gosudarstv [Status of unrecognized states]. – *Pravo i sovremennyye gosudarstva [Law and modern states]*. 2016. № 3. P. 44-49. (In Russ.)
8. Buzard K., Graham B.A.T., Horne B. Unrecognized States: A Theory of Self-Determination and Foreign Influence. – *The Journal of Law, Economics, and Organization*. 2017. Vol. 33. № 3. P. 578-611.
9. Caspersen N., Stansfield G. 2011. *Unrecognized States in the International System*. London: Routledge. 272 p.
10. Drobysheva T.V. 2019. Osobennosti pravovogo polozheniya nepriznannykh gosudarstv (na primere nepriznannykh gosudarstv postsovetского prostranstva) [Features of the legal status of unrecognized states (on the example of unrecognized states of the post-Soviet space)]. – *Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]*. № 2. P. 154-160. (In Russ.)
11. Efimova N.A., Smirnov R.V., Konchakovskaya E.S. Problema opredeleniya pravovogo statusa nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv v mezhdunarodno-pravovoy praktike [The problem of determining the legal status of unrecognized and partially recognized states in international legal practice]. – *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie [Innovation. Science. Education]*. 2021. № 2. P. 572-577. (In Russ.)
12. Filin A.Yu. Problema gosudarstvennogo suvereniteta v kontekste mir-sistemnogo analiza [The problem of state sovereignty in the context of world-system analysis]. – *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2023. № 12. P. 41-51. (In Russ.)
13. Gagloev O.F. Dvoynoe grazhdanstvo v nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstvakh [Dual citizenship in unrecognized and partially recognized states]. – *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal [Eurasian legal journal]*. 2022. № 12(175). P. 39-42. (In Russ.)
14. Gassiev M.V. Aktual'nost' kriteriev Montevideo dlya issledovaniya instituta priznaniya gosudarstv v mezhdunarodnom prave [Relevance of Montevideo criteria for research of state recognition in international law]. – *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta [Legal bulletin of Dagestan State University]*. 2014. № 3. P. 93-96. (In Russ.)
15. Goncharova O.A. Nekotorye voprosy uchastiya chastichno priznannykh gosudarstv v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Some issues of participation of partially recognized states in international relations]. – *Vestnik rossijskoj yustitsii [Bulletin of Russian justice]*. 2020. № 13. P. 5-12. (In Russ.)
16. Greshnova N.A., Pankov N.S. Zashchita lichnykh interesov grazhdan nepriznannykh gosudarstv [Protection of personal interests of citizens of unrecognized states]. – *Yuridicheskij mir [Legal world]*. 2023. № 12. P. 49-51. (In Russ.)
17. Grzybowski J. To Be or Not to Be: The Ontological Predicament of State Creation in International Law. – *European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. № 2. P. 409-432.
18. Ibragimov A.M. K voprosu o pravovom statuse nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom prave [On the question of the legal status of unrecognized states in international law]. – *Zakon i pravo [Law and right]*. 2022. № 5. P. 252-254. (In Russ.)
19. Kochieva A.A. Deyatel'nost' YuNESKO po okhrane kul'turnogo naslediya na territorii chastichno priznannykh i nepriznannykh gosudarstv [UNESCO activities for the protection of cultural heritage in the territory of partially recognized and unrecognized states]. – *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura [Concept: philosophy, religion, culture]*. 2022. Vol. 6. № 3(23). P. 50-67. (In Russ.)
20. Kvacheva P.I., Petrova S.V. 2017. Politiko-pravovoj status nepriznannogo gosudarstva v sovremennom mire: istoriko-pravovoj aspekt (na primere Respubliki Abkhazii) [Political and legal status of an unrecognized state in the modern world: historical and legal aspect (on the example of the Republic of Abkhazia)]. – *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Bulletin of Perm University. Legal sciences]*. №1 (35). P. 56-65. (In Russ.)
21. Kyriz G., Luciano B. Collective recognition and regional parliaments: navigating statehood conflict. – *Global Studies Quarterly*. 2021. Vol. 1. № 3. Art. № ksab011.
22. Lajtmán V.I. Status nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom publicnom prave [Status of unrecognized states in international public law]. – *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and international law]*. 2022. Vol. 12. № 5A. P. 386-394. (In Russ.)
23. Lyapin I.F. Konstitutsionnoe sudoproizvodstvo v usloviyakh nepriznannogo gosudarstva: opyt Pridnestrov'ya [Constitutional judicial proceedings in the conditions of an unrecognized state: the experience of Transnistria]. – *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]*. 2022. № 2. P. 74-79. (In Russ.)
24. Marandici I. Great Power Competition, Clientelism, and De Facto States: Transnistria and Taiwan Compared. – *Nationalities Papers*. 2025. Vol. 53. № 3. P. 578-599.
25. Marusin I. O nekotorykh pravovykh aspektakh vzaimootnoshenij s nepriznannymi gosudarstvami [On some legal aspects of relations with unrecognized states]. – *Rossiiskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Russian yearbook of international law]*. 2001. St. Petersburg. P. 218-229. (In Russ.)
26. Matveeva T.D. Status «nepriznannykh gosudarstv» v kontekste doktriny mezhdunarodnoj pravosub'ektnosti [Status of «unrecognized states» in the context of the doctrine of international legal personality]. – *Advances in Law Studies*. 2015. Vol. 3. Issue 3 (15). P. 91-99. (In Russ.)
27. Mikhel' I.V., Fakhim M. Vopros o priznanii Armenii: pozitsii Pakistana i Indii [The question of recognition of Armenia: positions of Pakistan and India]. – *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African studies]*. 2021. № 3. P. 33-37. (In Russ.)
28. Mitin G.N. 2023. Konstitutsionno-pravovye osnovaniya obrazovaniya transgosudarstv i ikh sushchnost' [Constitutional and legal foundations of trans-state formation and their essence]. – *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*. № 2. P. 28-30. (In Russ.)
29. Riegl M. *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. London: Springer. 2017. 235 p.
30. Rossi M. The Durability of Parastates: Declarative Statehood in the Absence of Constitutive Sovereignty. – *Nationalities Papers*. 2020. Vol. 48. № 1. P. 24-41.
31. Rukhtina V.S., Pan'kin S.I. Chastichno priznannye i nepriznannye gosudarstva: ponyatie i ikh status v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Partially recognized and

- unrecognized states: concept and their status in international relations]. – *Voprosy rossijskoj yustitsii [Issues of Russian justice]*. 2022. № 18. P. 495-502. (In Russ.)
32. Silaeva Z.V. Priznanie nezavisimosti spornykh gosudarstv v sovremennoj mirovoj politike [Recognition of independence of disputed states in contemporary world politics]. – *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]*. 2011. № 7 (13). P. 134-138. (In Russ.)
 33. Stavynoga V. Obespechenie zashchity prav lits, domitsirovannykh v nepriznannykh gosudarstvakh [Ensuring protection of rights of persons domiciled in unrecognized states]. – *Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er» [Electronic network publication "International Legal Courier"]*. 2022. № 2. P. 61-66. (In Russ.)
 34. Telenko O.N. Nepriznannye gosudarstva sovremenogo mira: sushchnost' ponyatiya i problema priznaniya [Unrecognized states of the modern world: essence of the concept and the problem of recognition]. – *Gileya: Nauchnyj vestnik [Gilea: Scientific bulletin]*. 2016. № 105. P. 314-317. (In Russ.)
 35. Tereshchenko M.V. Ponyatie i priznaki nepriznannykh gosudarstv [Concept and features of unrecognized states]. – *Colloquium-journal*. 2019. № 13-13. P. 172-175. (In Russ.)
 36. Visoka G., Doyle J., Newman E. *Routledge Handbook of State Recognition*. 1st ed. London: Routledge. 2019. 520 p.
 37. Voller Y. Contested sovereignty as an opportunity: understanding democratic transitions in unrecognized states. – *Democratization*. 2013. Vol. 22. № 4. P. 610-630.
 38. Worster W.T. Law, politics, and the conception of the state in state recognition theory. – *BU International Law Journal*. 2009. Vol. 27. P. 115-171.

Информация об авторе

Амага Сергеевна ЗАСЕЕВА

Аспирант кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

am.s.zasseeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-0014-1643

About the Author

Amaga S. ZASSEVA

Postgraduate Student of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

am.s.zasseeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-0014-1643